

Глава 1

МЫСЛИ КАК УБИЙЦА

Поставь себя на место охотника.

Именно так я и работаю. Вспомните фильмы о дикой природе: вот лев на просторах Серенгети в Африке. Он следит за огромным стадом антилоп на водопое. Но каким-то образом — мы видим по глазам — он выбирает одну из тысячи. Он выработал в себе умение чують слабость, уязвимость, нечто такое, что делает единственную антилопу из всего стада его будущей добычей.

То же самое и с хищниками среди людей. Я становлюсь одним из них, каждый день я охочусь, выслеживаю жертву, выжидаю удобный момент. К примеру, вот я в торговом центре. Здесь бродят тысячи людей. Я направляюсь к игровым автоматам и, оглядывая полсотни ребят, должен превратиться в охотника, в тонкого психолога, угадать, кто из пятидесяти с лишним детей самый уязвимый, кому быть жертвой. Нужно смотреть, как ребенок одет. Уметь подмечать внешние невербальные признаки. И делать это в мгновение ока, как настоящий профессионал. Выбрав цель, я начинаю действовать. Я должен точно знать, каким образом можно тихо, без лишнего шума и не привлекая внимания, вывести ребенка из торгового центра, пока его родители отовариваются двумя этажами ниже. Я не имею права на ошибку.

Таких людей подстегивает возбуждение охотника. В момент выбора жертвы у них по коже словно пробегает легкий гальванический разряд. Думаю, лев в дикой природе испытывает примерно то же самое. При этом не имеет никакого значения, говорим мы о тех преступниках, кто выбирает только детей, юных девушек, стариков, проституток и так далее, или о тех, у кого нет

определенных предпочтений. В каком-то смысле все они одинаковы.

Но есть между ними и отличия, и подсказки, которые охотник оставляет на месте преступления, ведут нас к особенностям его характера. Именно благодаря им у нас в руках появилось новое оружие для интерпретации отдельных преступлений против личности, а также для поиска, ареста и наказания виновных. Большую часть своей профессиональной карьеры в качестве спец-агента ФБР я посвятил разработке этого оружия, о нем и рассказывает книга. Каждое без исключений жестокое преступление в истории человечества порождает главный вопрос, который не дает нам покоя: что за человек способен на такое? Ответ на него мы, сотрудники отдела следственного сопровождения ФБР, и пытаемся дать, применяя инструментарий психологических портретов и анализа места преступления.

Поведение — это зеркало личности.

Не всегда легко и уж точно всегда неприятно влезать в шкуру убийцы — или, если угодно, мыслить, как он. Но такая у нас работа. Мы должны попытаться прочувствовать каждого из них.

Любая деталь на месте преступления что-нибудь говорит о субъекте — так на полицейском жаргоне называют неизвестного подозреваемого, — совершившем правонарушение. Анализируя максимально возможное число преступлений и общаясь с экспертами — то есть с самими преступниками, — мы учимся интерпретировать оставленные ими следы точно так же, как врачи определяют болезнь и ставят диагноз по симптомам. И, подобно медику, который на основе прошлого опыта опознает заболевание по его проявлениям, мы делаем выводы на основании того или иного набора признаков.

Однажды в начале 1980-х, когда в рамках полевого исследования я активно опрашивал осужденных убийц, мне довелось оказаться в старинной каменной тюрьме в готическом стиле, где находится государственная исправительная колония штата Мэриленд в Балтиморе. Я сидел в кругу жестоких преступников, и каждый из них был по-своему уникален: убийца полицейского, детоубийца, наркодилеры, громилы, — но меня больше всего интересовали насильники-душегубы, а точнее, их *modus operandi**, поэтому я решил спросить, нет ли здесь подходящего объекта для изучения.

— Ага, Чарли Дэвис, — ответил один из заключенных.

Правда, остальные сошлись на том, что он вряд ли станет разговаривать с федералом. Один из заключенных отправился поискать Чарли во дворе. Ко всеобщему удивлению, Дэвис, движимый скорее любопытством и скукой, нежели желанием помочь, вскоре присоединился к нам и сел в круг. В полевых исследованиях нам часто играло на руку, что заключенные располагают целой кучей свободного времени и не знают, чем заняться.

Обычно при проведении тюремных интервью — и так повелось с самого начала — мы стараемся заранее выяснить о субъекте как можно больше. Мы изучаем отчеты полиции, фотографии с места преступления, записи со вскрытия, стенограммы допросов — словом, все, что может пролить свет на личность преступника. Кроме того, так мы получаем гарантию, что он говорит начистоту, а не играет с нами в игры ради собственного развлечения. Но тогда, признаюсь, я пришел неподготовленный, и мне пришлось импровизировать.

* Образ действия (*лат.*).

Дэвис оказался дюжим громилой под два метра ростом, немного за тридцать, гладко выбритым и аккуратно подстриженным. Я начал с того, что признался:

— Ты застал меня врасплох, Чарли. Я даже не в курсе, за что ты сидишь.

— За убийство пятерых человек, — ответил он.

Я попросил его рассказать о месте преступления и о том, что он сделал со своими жертвами. Оказалось, что Дэвис на полставки работал водителем скорой. Он задушил женщину, спрятал труп у дороги на вверенной ему территории, сделал анонимный звонок, сам же на него ответил и забрал тело. Когда он клал жертву на каталку, никто из сотрудников скорой и не догадывался, что убийца совсем рядом, среди них. Больше всего Дэвиса завело именно чувство полного контроля над ситуацией, собственная хитрая «режиссура» наполнила его невероятным возбуждением. Подобные примеры, раскрывающие возможные техники исполнения преступлений, бесценны для нас.

Удушение же означало, что убийство было спонтанным. Поначалу-то Чарли интересовало изнасилование.

Я сказал ему:

— Из тебя вышел бы отличный суровый коп. Тебе понравилось бы работать в полиции, обладать властью. А вместо этого ты взялся за дурацкую работенку, не достойную твоих способностей.

Рассмеявшись, он признался, что его отец был лейтенантом полиции.

Я попросил Дэвиса описать привычный ему образ действия: скажем, он преследует молодую женщину до парковки у ресторана. Благодаря связям отца с легкостью выясняет ее личные данные по номеру машины. Потом звонит в ресторан и сообщает, что она оставила фары включенными. Вот женщина выходит, и тут он ее хвата-

ет, заталкивает в свою или ее машину, пристегивает наручниками и увозит.

О каждом из пяти убийств он рассказывал строго по порядку, будто смакуя воспоминания. Добравшись до последней жертвы, убийца отметил одну деталь, на которую только сейчас обратил внимание: он закрыл девушке лицо.

На этом моменте я его прервал:

— Чарли, вот что я тебе скажу. У тебя проблемы с женщинами. Когда ты совершил первое убийство, с деньгами у тебя было туговато. Неудивительно, что парень далеко за двадцать, выполняющий недостойную его работу, будет злиться на жизнь и чувствовать, что попусту ее проживает.

Он нехотя кивнул. Что ж, пока неплохо. Хотя я не сказал ничего такого, о чем нельзя было бы догадаться.

— Ты слишком много пил, — продолжал я, — наделал долгов. Постоянно ссорился со своей женщиной. — Он не говорил мне, что жил с кем-то, но я почти не сомневался. — А по ночам, когда совсем прижимало, ты выходил на охоту. Конечно, охотиться на собственную подружку как-то не с руки, и ты выплескивал накопившееся на других.

По невербальным признакам я видел, как он открывается. Я располагал весьма скудной информацией, но решил продолжать:

— Но последнюю жертву ты прикончил намного нежнее. Она не такая. Ты позволил ей одеться, после того как изнасиловал ее. Ты закрыл ей лицо, чего не делал с предыдущими четырьмя. В отличие от тех случаев, последнее убийство не принесло тебе удовольствия.

Когда объект анализа начинает слушать тебя во все уши, становится ясно, что он на крючке. Этому трюку я научился на бесчисленных интервью в тюрьмах и раз

за разом применял его на допросах. Я видел, что полностью завладел вниманием Чарли.

— Она сказала тебе нечто такое, из-за чего тебе расхотелось ее убивать, но ты все равно это сделал.

Внезапно Дэвис покраснел как рак и будто погрузился в транс. По его глазам я видел, что мыслями он вернулся к тому дню. Наконец он робко признался, что у мужа той женщины были проблемы со здоровьем и что она за него сильно переживала. Он тяжело болел, едва ли не лежал при смерти. Блефовала жертва или нет, я не знаю и вряд ли смогу выяснить. Но на Дэвиса ее слова явно произвели сильное впечатление.

— Я не прятал лицо, — пояснил он. — Она могла меня узнать, так что ее все равно пришлось убить.

Немного погодя я спросил:

— Ты ведь что-то у нее забрал, верно?

Чарли снова кивнул, подтвердив, что забрал из кошелька рождественскую фотографию ее семьи: жертва, муж и ребенок.

Хотя я никогда раньше не встречался с Дэвисом, у меня уже начало складываться о нем определенное впечатление. Я добавил:

— И на кладбище ты тоже был, да, Чарли?

Судя по краске, красноречиво залившей лицо, насильник отслеживал все новости по делу об убийстве и знал, где похоронили жертву.

— Ты отправился туда, потому что испытывал угрызения совести. Но на могилу ты пришел не с пустыми руками.

Прочие заключенные хранили молчание, жадно слушая. Они никогда не видели Дэвиса в таком состоянии. Я настойчиво повторил:

— Ты что-то принес на могилу. Что именно, Чарли? То фото?

Он только кивнул и бессильно уронил голову.

Ловкость рук и никакого мошенничества, хотя остальные сочли бы мой фокус сущим колдовством. Ясное дело, я лишь высказывал догадки, но они строились на квалификации, исследованиях и практическом опыте, который мы с коллегами успели накопить и продолжали кропотливо собирать. Например, мы выяснили, что старая быль об убийцах, приходящих на могилу своей жертвы, чаще всего оказывается явью, но по ряду причин это происходит не всегда.

Поведение — зеркало личности.

Причина, по которой наша работа просто необходима, состоит в изменчивой природе самой преступности. Мы все наслышаны об убийствах на почве наркотиков, чумой накрывших чуть ли не каждый город. О перестрелках, ставших столь обыденным проявлением национального позора. И все же бóльшая часть преступлений, особенно совершенных с особой жестокостью, раньше случалась между людьми, так или иначе знакомыми друг с другом.

Теперь картина меняется. В каких-то 1960-х раскрываемость убийств в США переваливала за 90 %. Но и эта цифра более не актуальна. Сегодня, несмотря на впечатляющий прогресс в науке и технике, несмотря на приход компьютерной эры, несмотря на рост числа полицейских, качества и глубины их подготовки и оснащения, чисто убийств продолжает расти, а их раскрываемость — падать. Все больше преступлений совершается в отношении незнакомцев, и в большинстве случаев для них нет никакого очевидного или хотя бы логичного мотива.

Ранее правоохранительные органы относительно легко раскрывали большинство убийств и других насильственных преступлений. Они являлись следствием и выражением вполне обыденных эмоций, достигших апогея:

злости, жадности, зависти, жажды наживы или возмездия. Как только эмоциональный мотив был удовлетворен, порыв к насилию угасал и дальше не распространялся. Да, жертва обязательно была, но полиция имела точное представление, кого или что надо искать.

Но в последние годы преступления против личности все чаще проявляются в новом обличье. Они становятся продолжающимися. Серийные преступники не останавливаются, пока их не поймают; они учатся, становятся все опытнее и опаснее, непрерывно совершенствуя свои тактики и подходы от одного эпизода к другому. Слово «проявляются» я использовал не случайно; конечно, такие преступления известны еще со времен грозы Лондона эпохи 1880-х Джека-потрошителя, который считается первым в современной истории серийным убийцей. Кстати, по причинам, которые я укажу позже, серийными убийцами почти всегда становятся мужчины.

Однако феномен серийных убийств может быть куда старше, чем мы себе представляем. Сохранившиеся по сей день истории и легенды о ведьмах, оборотнях и вампирах — это не более чем попытка объяснить жестокие, извращенные акты насилия, которые в маленьких сплоченных поселениях Европы или ранней Америки никто был не в силах объяснить, хотя сегодня они воспринимаются как нечто обыденное. А тогда считалось, что чудовищем может быть только сверхъестественное создание, но никак не обычный человек.

Из всех жестоких преступников самыми отталкивающими, хитрыми и приводящими в замешательство личностями обладают именно серийные убийцы и насильники. В свою очередь, это связано с тем, что в основе их мотивов лежат куда более сложные факторы, чем те примитивные устремления, которые мы отметили ранее. Уже поэтому их образ действий может изрядно сбивать

с толку, да и вообще отсекает банальные переживания вроде сочувствия, вины или угрызений совести.

Порой единственный способ изловить маньяков — это научиться думать, как они.

Не пугайтесь, что я раскрою строго охраняемые секреты полицейского расследования и дам в руки будущим преступникам руководство к действию. В книге речь пойдет только о том, как мы разработали поведенческий подход к составлению психологического портрета преступника, об анализе преступлений и стратегии обвинения, но и здесь я при всем желании не смогу составить практическое руководство или учебное пособие для новичков. Во-первых, у нас уходит целых два года на то, чтобы обучить уже опытных, матерых агентов, отобранных для стажировки в нашем отделе. А во-вторых, вне зависимости от того, насколько преступник убежден в собственной осведомленности, чем больше он старается избежать поимки или сбить нас со следа, тем больше дает материала — поведенческих улик — для нашей работы.

Как говорил сэра Артур Конан Дойл устами Шерлока Холмса много десятилетий назад: «В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины»*. Иными словами, чем больше информации о поведении субъекта у нас есть, тем более полный психологический портрет и его анализ мы сможем предоставить полиции. А чем полнее психологический портрет, тем больше следователи смогут сузить круг подозреваемых и сконцентрироваться на поимке настоящего преступника.

Отсюда вытекает еще одна оговорка по поводу нашей работы. Сотрудники отдела следственного сопровожде-

* Перевод М. Бессараб.

ния, который находится в Куантико и входит в Национальный центр ФБР по анализу преступлений против личности, не занимаются поимкой преступников. Повторюсь: *мы не ловим преступников*. Это работа местной полиции, и если вспомнить, под каким давлением она находится, ребята справляются на ура. Мы же *оказываем им поддержку* в выделении круга подозреваемых, а также предлагаем упреждающие меры, с помощью которых можно выкурить преступника из норы. Когда же он пойман — подчеркну: ими, а не нами, — мы стараемся наметить стратегию для обвинителя по выявлению истинной сущности ответчика во время судебных разбирательств.

Тут нам помогают исследования и весьма особый практический опыт. К примеру, если какое-нибудь местное отделение полиции на Среднем Западе впервые в своей практике столкнется с ужасами расследования серийного убийства, у нас на счету схожих дел уже сотни, если не тысячи. Я всегда говорю своим агентам: «Хочешь понять художника — присмотри к его картинам». За долгие годы работы мы видели невероятное множество «картин» и неоднократно беседовали почти со всеми «искусными художниками».

В конце 1970-х — начале 1980-х мы начали методично развивать деятельность отдела поведенческого анализа ФБР, который позже превратился в отдел следственного сопровождения. Хотя большинство книг, драматизирующих и прославляющих наше призвание (например, известное произведение Тома Харриса «Молчание ягнят»), отличаются склонностью к причудливым выдумкам, наше прошлое действительно восходит скорее к научно-преступной фантастике, нежели к практике. Еще совсем зеленый детектив С. Огюст Дюпен, герой классического произведения 1841 года Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг», на самом деле был первым в истории про-

файлером — поведенческим экспертом. Сюжет также отражает первое применение профайлером упреждающих мер с целью выкурить субъекта и оправдать невинного человека, несправедливо арестованного за убийство.

Как и теперь, почти сто пятьдесят лет спустя, мои коллеги по отделу, По отдавал себе отчет в важности составления психологического портрета, ведь иногда для разрешения особенно жестокого и, как может показаться, не имеющего мотива убийства мало одних только улик с места преступления и результатов вскрытия. «За отсутствием других возможностей, — писал он, — аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку»*.

Стоит отметить и другое небольшое сходство. Мсье Дюпен предпочитал работать в одиночку, запершись у себя в комнате, плотно завесив шторами окна, тем самым защищаясь от солнечного света и вторжений извне. У нас с коллегами изначально не было такой необходимости. Наше рабочее пространство в Академии ФБР в Куантико уходит на несколько этажей под землю, и в нем нет ни одного окна. Изначально оно проектировалось как безопасная штаб-квартира для федеральных правоохранительных властей на случай национальной катастрофы. Иногда мы в шутку называем себя Национальным подвалом по анализу преступлений против личности. Находясь почти на двадцать метров под землей, мы, пожалуй, закопаны в десять раз глубже, чем мертвецы.

Один из пионеров профайлинга, английский драматург Уилки Коллинз, раскрывал его основные принципы в своих романах «Женщина в белом» (основанном на ре-

* Перевод Р. Гальпериной.

альных событиях) и «Лунный камень». Но именно бессмертное творение сэра Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе явило миру новую форму криминального анализа в атмосфере мрачного, освещенного газовыми фонарями викторианского Лондона. Сравнение с легендарным сыщиком было бы высшей похвалой для любого из нас. Несколько лет назад, когда я работал в Миссури над очередным убийством, заголовок местной газеты «Сен-Луис глоуб-демократ» окрестил меня «современным Шерлоком из ФБР», что стало для меня большой честью.

Интересно отметить, что именно в тот момент, когда Шерлок Холмс распутывал клубки сложнейших дел на страницах книг, в реальном мире Джек-потрошитель без устали убивал проституток в лондонском Ист-Энде. Эти двое, находящиеся по разные стороны не только закона, но и реальности, так плотно завладели вниманием публики, что во многих «современных» историях о Шерлоке, написанных его почитателями, детектив снова возвращается к расследованию так и не раскрытых убийств в Уайтчепеле.

В 1988 году меня пригласили на телевидение с просьбой проанализировать психотип Джека-потрошителя. О своих заключениях по поводу самого знаменитого субъекта в истории я расскажу далее на страницах этой книги.

Поведенческий профайлинг сошел со страниц литературных произведений в реальную жизнь лишь спустя более века после «Улицы Морг» По и более полувека после «Приключений Шерлока Холмса». В середине 1950-х Нью-Йорк продолжал сотрясаться от взрывов, подготовленных «маньяком-подрывником»*. За пятнадцать лет, что он оставался на свободе, «подрывник» заложил более

* Прозвище Джорджа Метески, терроризировавшего Нью-Йорк взрывами в течение почти 15 лет. Его арестовали в 1957 году, на суде признали невменяемым и отправили на принудительное лечение.

тридцати бомб. Его целями становились такие места массового скопления, как железнодорожные станции Гранд-Централ и Пенсильвания, концертный зал «Радиосити». Тогда я, еще совсем ребенок, жил в Бруклине и отлично помню то дело.

В конце концов в 1957 году полиция обратилась к психиатру из Гринвич-Виллидж — доктору Джеймсу А. Брусселу, который изучал фотографии с мест взрывов и тщательно анализировал издевательские письма «подрывника», публикуемые в газетах. На основе общей модели поведения преступника он пришел к ряду существенно важных выводов и определил, что тот является параноиком, ненавидит отца, одержим любовью к матери и живет в одном из городов штата Коннектикут. В заключение психологического портрета доктор Бруссел писал: «Ищите грузного мужчину средних лет иностранной наружности. Он римский католик. Одинокий. Живет с братом или сестрой. Когда вы его найдете, с определенной вероятностью на нем будет двубортный костюм, застегнутый на все пуговицы».

По отсылкам из некоторых писем следовало, что «подрывник», скорее всего, обозлившийся нынешний или бывший сотрудник энергетической компании «Консолидейтед Эдисон». Сопоставив психологический портрет с кругом лиц, связанных с данной компанией, полиция наткнулась на имя Джорджа Метески. Оказалось, что тот действительно работал в «КонЭд» в 1940-х, еще до начала взрывов. Однажды вечером полиция наведася в его дом в городке Уотербери, штат Коннектикут, и действительно обнаружила на месте грузного, одинокого, римского католика-иностранца средних лет. Единственное отличие от психологического портрета состояло в том, что он жил не с братом или сестрой, а с двумя незамужними сестрами. Когда же полицейский попросил

подозреваемого одеться и проехать с ними в участок, тот через несколько минут вышел из спальни в двубортном костюме, застегнутым на все пуговицы.

Объясняя, как ему удалось достичь такой сверхъестественной точности в своих выводах, доктор Бруссел отметил, что психиатр обычно обследует пациента и лишь потом пытается сделать логичные умозаключения относительно того, как тот поведет себя в той или иной ситуации. Разрабатывая психологический портрет Метески, доктор поступил с точностью наоборот, то есть попытался представить себе индивида, руководствуясь его действиями.

По прошествии более сорока лет дело «маньяка-подрывника» кажется нам совсем простым. Но тогда оно стало ключевой вехой в науке, получившей впоследствии название криминального психоанализа (поведенческого анализа) и ставшей важной частью современной криминалистики. Ну а светилом этой науки стал, конечно, доктор Бруссел, позже работавший с полицией Бостона по делу «бостонского душителя»*.

Прием, который используют выдуманные Дюпен и Холмс, а также настоящий Бруссел и его последователи, часто называют дедукцией, однако на самом деле он ближе к индукции, то есть наблюдению за частными элементами явления и составлению общих заключений на их основе. Когда я пришел в академию в 1977 году, инструкторы отдела поведенческого анализа, включая его пионера Говарда Тетена, только начинали применять идеи доктора Бруссела на занятиях с профессионалами сыска. На тот момент метод выглядел скорее анекдотом и не подкреплялся годами исследований. Когда я начал зани-

* Альберт де Сальво — американский серийный убийца, задушивший 13 женщин в Бостоне в период с 1962 по 1964 год.

маться наукой профайлинга, она пребывала в зачаточном состоянии.

Я уже отмечал, насколько важно для нас уметь влезать в шкуру и разум неизвестного убийцы. В процессе исследований и накопления опыта мы обнаружили, что не менее важно, сколь бы страшно и болезненно это ни было, уметь посмотреть на дело и глазами жертвы. Только в том случае, если мы хорошо понимаем, каковой могла быть реакция жертвы на те ужасы, что с ней происходили, мы сможем составить наиболее полное представление о поведении самого преступника.

Хочешь понять преступника — присмотришься к его действиям.

В начале 1980-х полиция из сельского городка в Джорджии обратилась ко мне с делом, поразившим меня до глубины души. Молодую девчонку, четырнадцатилетнюю мажоретку средней школы, похитили среди бела дня на автобусной остановке всего метрах в ста от дома. Несколько дней спустя ее полураздетое тело обнаружили в десяти милях оттуда, в облюбованном парочками укромном месте, скрытом деревьями. Она была изнасилована и скончалась от удара тупым предметом по голове. Рядом лежал увесистый, со следами запекшейся крови бульжник.

Прежде чем приступить к анализу, я постарался узнать о жертве как можно больше. Милая и симпатичная, в свои четырнадцать она и выглядела ровно на четырнадцать, а не на двадцать один, как иногда бывает. Все, кто знал девочку, как один, утверждали, что она не была склонна к неразборчивым связям и осторожно относилась к флирту, ни разу не притрагивалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, да и вообще всегда была со всеми приветливой и дружелюбной. Вскрытие показало наличие девственности до изнасилования.

Для меня подобная информация была критически важна, поскольку, руководствуясь ею, я смог прикинуть, как она отреагировала на похищение, как вела себя в процессе и, следовательно, как преступник обращался с ней во время совершения акта насилия. Из этого я сделал вывод, что убийство не было запланированным. Насильник запаниковал, удивившись, что жертва не встретила его с распростертыми объятиями. В свою очередь, этот вывод приблизил меня к пониманию природы преступника, и по моей наводке полиция выделила одного мужчину, который проходил подозреваемым в изнасиловании, совершенном годом ранее в соседнем городе. Понимание особенностей жертвы также помогло мне составить для полиции стратегию допроса этого весьма незаурядного субъекта, который, как я и предполагал, без труда обманул детектор лжи. Это весьма интересное и трогательное дело мы обсудим в деталях чуть позже. А пока удовольствуемся тем, что субъект сознался и в убийстве, и в совершенном ранее изнасиловании. Впоследствии он был осужден, а на момент издания этой книги казнен в тюрьме штата Джорджия.

Когда мы в Национальной академии преподаем агентам ФБР и профессионалам правоохранительных служб основы криминального психоанализа и анализа места преступления, мы стараемся научить их представлять себе всю историю преступления целиком. Мой коллега Рой Хейзелвуд, который уволился из Бюро в 1993 году, а до этого несколько лет вел начальный курс профайлинга, разделял анализ на три ключевых вопроса, или фазы: «что», «почему» и «кто».

Что произошло? Вопрос включает все то, что может быть значимо для понимания моделей поведения.

Почему это произошло именно так, а не иначе? Почему, например, над трупом надругались после смерти?

Почему не украли ничего ценного? Почему в дом вошли, а не вломилась? Каковы причины каждого фактора данного преступления, существенного с точки зрения поведения?

А из этого вытекает последний вопрос: *кто* мог бы совершить преступление по этим причинам?

Наша задача — ответить на эти вопросы.

Глава 2

МОЯ МАТЬ – ХОЛМС

Девичья фамилия моей матери действительно Холмс, и с легкой подачи моих родителей я едва не унаследовал ее в качестве второго имени вместо более прозаичного «Эдвард».

Оглядываясь назад, скажу, что, кроме этого, мало что в моем детстве намекало на светлое будущее охотника за разумом, или криминального профайлера.

Я родился в Бруклине, Нью-Йорк, неподалеку от Квинса. Мой отец, Джек, работал наборщиком в «Бруклин игл». Когда мне исполнилось восемь, папа, обеспокоенный ростом преступности, решил перевезти нас в Хемпстед, Лонг-Айленд, где стал председателем Лонг-айлендского союза печатников. Еще у меня есть сестра, Арлин, на четыре года старше меня. Она всегда была гордостью нашей семьи — как в учебе, так и в спорте.

Сам я не блистал, перебиваясь с тройки на четверку, но, несмотря на весьма средненькие успехи в учебе, всегда был вежливым, легким в общении и пользовался вниманием учителей Ладлэмской начальной школы. Больше всего меня занимали животные, вот почему в разное время у меня обитали собаки, кошки, кролики, хомяки и змеи. Всех этих тварей мама терпела исключи-